

ской жизни. Педагогика, образование и в этом случае остались «вещью в себе».

Но в реальной жизни все было иначе. Рассмотренное выше своеобразное всероссийское дворянское педагогическое собрание наглядно показало, что задуманные как продворянские реформы средней школы 1870-х гг. оказались антидворянскими. И антидворянским оказался антипедагогический и антинациональный толстовско-катковский классицизм. В результате чего само дворянство в конце 1890-х гг. стало активным инициатором коренной реорганизации всего строя средней школы.

1. Гиндин И.Ф., Гефтер М.Я. Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880–1890-х годах // Исторические записки. 1957. № 4.
2. Гражданин. 1886. 15 декабря. № 94.
3. Дневник А.С. Суворина. М.; Пгр., 1923.
4. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 140.
5. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 166.
6. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 200. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия.
7. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 229. Протоколы Особого совещания по делам дворянства.
8. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 233. По вопросу о способах обеспечения потребностей дворянства в воспитании дворянского юношества.
9. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 236.
10. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

Литература

А.И. Любжин

КЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА: МНИМЫЙ ПРОВАЛ?

Комментарий к статье Э.Д. Днепров
«Кризис общего среднего образования
в конце XIX в.»

Для всякого, кто знакомился с историей русской школы рубежа XIX–XX вв., очевидно массовое общественное недоверие к ее укладу в целом и к господству в ее программах древних языков в частности. Это проявляется во всем: и в публицистике, и в мемуарных источниках, и в художественной прозе — всем памятен «Человек

в футляре» А.П. Чехова, а у М.П. Арцыбашева в менее известном рассказе «Паша Туманов» идет речь о том, как провалившийся на экзамене гимназист застрелил директора и латиниста. Но как только от общих соображений и тенденциозной публицистики мы переходим к конкретному анализу образовательной ткани, столь однозначной картины не получается. Во-первых, у нас достаточно свидетельств в противоположном духе — вспомнить хотя бы теплые «Страницы воспоминаний» С.Я. Маршака, посвященные латинисту Владимиру Ивановичу Теплых, и не менее теплые «Воспоминания» П.Н. Милюкова о его гимназическом эллинисте Петре Александровиче Каленове. Во-вторых, сам культурный факт Серебряного века — та эпоха, которую один из крупнейших русских поэтов И.Ф. Анненский (тоже чиновник ведомства Министерства народного просвещения) и блестящий филолог Ф.Ф. Зелинский (непримиримый враг концепта облегченной и расслабляющей школы) считали зарей нового, славянского, Возрождения, — немыслим без классической гимназии в качестве питательной почвы. В-третьих, как отнестись к тому, что женская гимназия Софьи Николаевны Фишер, самая престижная и знаменитая, чьи воспитанницы принимались в университеты Германии без экзаменов, была единственной в России женской гимназией классического типа? А ведь С.Н. Фишер была поклонницей реакционных идей М.Н. Каткова и даже вместе с Львом Ивановичем Поливановым (также исключительная по своему масштабу звезда русской педагогики!) переиздала его передовицы под заглавием «Наша школьная реформа» (1890 г.).

Есть и другая сторона. Если в своем недовольстве критики классической модели единодушны, то в контрпредложениях согласованность отсутствует. В.В. Розанов о школе своего времени с уровнем вариативности, о котором мы можем только мечтать, писал так: «Выучить, чтобы куриный цыпленок научился плавать, а утенок — хорошо бегать по земле, чтобы барашек начал мяукать, а кошка — давать хорошую шерсть, — в этом заключаются все усилия русских училищ, гимназий, университетов и даже наших несчастных родителей, несчастной русской семьи. Никакого нет рассмотрения и простого даже внимания к предварительным способностям... Школы должны быть не “реальные” и “классические”, а их должно быть тысяча типов, удлинений, характеров, оттенков, характеристик»¹. Но нередки и требования «единой» школы, которую предлагалось русифицировать (люди с космополитическими взглядами в видах разгрома классической модели охотно прибегали к рассуждениям о «национальной» школе, о недостаточном знакомстве с родным языком, словесностью, историей и т.п.). Недобросовестно и тенденциозно было сведение причин школьных недостатков к засилью древних языков: если бы это было так, реальные училища выгодно выделялись бы на фоне классических

¹ Розанов В.В. Мимолетное. М.: Республика, 1994. С. 14.

гимназий, чего вовсе не было; если же вспомнить о страшной переполненности классов, доходивших в гимназиях до 50 человек, следует удивляться скорее не тому, что был высок процент «неудачников», а тому, что в этих условиях образовательная система не потеряла управляемости и возможностей функционирования. И создала такой образовательно-культурный задел, которого хватило на несколько десятилетий советского паразитизма. В суждениях представителей дворянского сословия, приведенных в статье Э.Д. Днепровца, нет оригинальной аргументации; все эти обвинения в адрес классической гимназии и древних языков выдвигались многократно, и на все эти обвинения есть достойные ответы.

...Александр Николаевич Шварц, филолог-классик европейского уровня и министр просвещения в кабинете П.А. Столыпина, писал 30 августа 1908 г. своему ученику Сергею Ивановичу Соболевскому, столпу и оплоту русской филологии в эпоху лихолетья: «Упорядочить учебные заведения все равно мне не дадут: русские все готовы вынести, кроме ученья...»¹[1]. Пройдя все ступени образовательного ведомства от скромного преподавателя иностранных языков до его главы, он, конечно же, полностью отвечал за свои слова.

Слишком многие родители отдавали детей в гимназии, желая обеспечить им беспечальное чиновничье будущее и не заботясь об их способностях; мог ли им понравиться гимназический курс, в число задач которого как раз и входило отсечь детей, неспособных усвоить сложную программу, от университетского образования и связанных с ним привилегий? Да и механизмы формирования «общественного мнения» были уже отработаны и действовали безотказно: когда Шварц был попечителем Московского учебного округа (осень революционного 1905 г.), оппозиционная пресса печатала возмущенные письма родителей по поводу его попыток нормализовать школьную жизнь и вернуть детей за парты; не менее многочисленные письма в поддержку попечителя тиснению не предавались².

И не совершим ли мы двойную ошибку в нашей оценке эффективности классической модели — сначала однобоко восприняв общественное мнение эпохи, а потом безоглядно доверившись лишь одному из его направлений — как раз тому, которое всего легче, не требует глубины анализа и не связано никакой ответственностью?

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 310, ед. хр. 9 (письма А.Н. Шварца С.И. Соболевскому). Л. 462.

² Соболевский С.И. Александр Николаевич Шварц // Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 246.